но и в миниатюрах Уваровского списка «Сказания» XVI в.[49] Изображения, близкие к коломенской иконе, неизвестны. Это говорит о большей популярности сильвестровского «извода».

Изображенные на иконе детали вооружения — ромбовидные копья, треугольные щиты, шлемы с бармицами — могут относиться как к XIV, так и к XII в. Деталь конской упряжи — два ремешка, свисающие с пахв, — имеется в рельефах 1197 г. Дмитриевского собора во Владимире.[50] Но такой же мотив встречается и в памятниках XIV в. — на иконе «Георгий в житии» (Гос. Русский музей), в миниатюрах Сильвестровского сборника,[51] а также во многих миниатюрах Кенигсбергской летописи (например, лл. 67, 172 об.). Вместе с тем мечи, представленные в средней части иконы, — с бочковидной рукоятью, круглым набалдашником, прогибающейся в центре крестовиной — датируются концом XIII—XIV в. Они хорошо известны на Западе.[52]

Среди одежд, большей частью показанных весьма реально (круглые княжеские шапки, длинные одежды князей с застежками на груди и тонкими наборными поясками, короткие рубахи отроков-слуг), особый интерес представляют княжеские шубы, изображенные в клеймах (в среднике Борис и Глеб представлены в плащах). Шубы накинуты на плечи и застегнуты у ворота. Длинные рукава свободно свисают. Шубы подбиты мехом, что хорошо видно в первом клейме (одежда Бориса). Такую же шубу жалует Святополк киевлянам (двенадцатое клеймо). Употребление шуб в качестве парадной княжеской одежды в XII—XIII вв. весьма вероятно. Ипатьевская летопись под 1252 г. описывает «кожюх... оловира грецького круживы златыми плоскыми ошит», принадлежавший князю Даниилу Галицкому.[53] Однако их изображения в искусстве этого периода неизвестны. В Сильвестровском сборнике показаны еще корзна, и лишь среди миниатюр Кенигсбергской летописи встречаются подобные одежды (лл. 196 об., 200).[54]

Присутствие в иконе «реалий» XIV в. не противоречит выводу о связи иконы с древними миниатюрами. При копировании иконописец мог заменить архаические детали новыми, современными ему. Аналогичное явление наблюдается в сильвестровских миниатюрах, включающих детали XIV в.,[55] хотя копирование этими иллюстрациями прототипа XII в. неоспоримо доказано Д. В. Айналовым.

Зависимость коломенской иконы от древних миниатюр, восходящих к какому-то еще более раннему прототипу, приобретает особый смысл при сопоставлении с иными особенностями культуры ранней Москвы, например, с фактами тесной связи ее архитектуры (в частности, коломенских памятников XIV в.) с владимиро-суздальским зодчеством.[56] Анализ сю-

---

[49] А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 157—176.

[50] Э. А. Рикман. Изображение бытовых предметов на рельефах Дмитриевского собора во Владимире. — КСИИМК, в. XLVII. М., 1952, рис. 7, 2.

[51] Д. В. Айналов. Очерки и заметки..., рис. 12.

[52] Ada Bruhn Hoffmeyer. Middelalderens tuæggede sværd, II. København, 1954, pl. XI, b; pl. XIII, f; pl. XV, c.

[53] ПСРЛ, т. II, стр. 187; А. В. Арциховский. Одежда. — История культуры древней Руси, т. I. М.—Л., 1948, стр. 259.

[54] В. И. Сизов. Миниатюры Кенигсбергской летописи (археологический этюд). — ИОРЯС, т. X, 1905, кн. 1, стр. 28.

[55] А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник, стр. 173—174.

[56] Н. Н. Воронин. К характеристике архитектурных памятников Коломны времени Дмитрия Донского. — Материалы и исследования по археологии СССР, т. 12. М.—Л., 1949, стр. 234—236.